

Стояла пылающая золотым костром долгожданная осень.

Осень — в лесу листопад. Огненно-рыжая, красно-желтая, бурая с позолотой листва, сорванная легким дуновением ветра, с тихим шорохом опадала с деревьев. Сыпалась на посохшую ржаную траву, образуя копейки, с них скапывалась в ложбинки и в ямы, засыпала лесные поляны, тропы — словом, все кругом, и лес и доли, полыхало золотом осенней природы.

Кто из охотников не дышал бодрящим пряным воздухом всеторжествующих осенних лесов!.. Кто не восторгался завораживающим душу огненным полыханием осени... или шорохом падающего с дерева одинокого листочка!..

Осень... Осень для охотника-любителя пора радостная — открытие осеннего сезона на боровую дичь и зайцев. И, пожалуй, нет для него поры чудесней и милее осени.

Бреду со своим мохнатым другом Цыганом по осеннему лесу, любуясь красочной тревожной порой. Обутки, словно лыжи, скользят по отсыревшей листве, как по первоснежку. Раз за разом, поскальзываясь, шарахаюсь по бездорожью то вправо, то влево. Шагаю наугад, что называется вслепую. Вдруг на пути воронка, заполненная водою по самую кромку, листвой ее запорошило, забросало, с землей сровняло. В плену красоты природы потерял всякую осторожность да и булькнулся...

— Ах, проклятый демон! Твою мать... заманил меня в западню, чтоб тебе ни дна ни покрышки, дьявол этакий! — выругался я, ворочаясь в холодной воде.

Воронка оказалась довольно крутой и глубокой, и выбраться из нее во всей охотничьей амуниции было не так просто. Окунувшись чуть ли не с головой, вцепился в какую-то растительность на бровке и, помогая себе ногами, попытался выбраться на сушу. Но тяжелые сапоги, наполненные водой, скользили по глинистому обрыву и тянули на дно. На мое счастье на краю злополучной ямы росла раскидистая молодая береза. Одна из ее длинных прочных ветвей купалась в воде. Барахтаясь, как щенок-слепыш, я с трудом одолел вплавь какие-то полтора-два метра до спасительной ветки и, судорожно уцепившись за нее, подтянулся к дереву. Так и выбрался на сушу. А без него — не знаю, сколько бы барахтаться пришлось. Мокрый и грязный, я присел возле березы — четвероногий помощник тут как тут. Он, кстати, все это время топтался около воронки, явно беспокоился... Не могу сказать, осознавал ли остроухий питомец, что его друг-повелитель в беде... Во всяком случае, он пес неглупый, и если бы мне пришлось позвать его на помощь — уверен, непременно приплыл бы ко мне.

Я дружелюбно потрепал кобеля по загривку и, вздрагивая от озноба, задумчиво пробормотал: «Ружье-то я утопил... Как теперь доставать — не знаю. Нырило делать, что ли...»

Цыган прижался ко мне плотнее и застучал изогнутым в калач хвостом по моей спине, словно одобрял мудрое решение хозяина.

Срезав ножом две ореховые хлыстины, потолще и подлиннее, я крепко-накрепко связал их капроновым шнуром, на другом конце приладил нехитрый крючок из рогатки и запустил нырило на дно воронки. Но недолго пришлось «рыбачить»: разок-другой пошарил, наткнулся на что-то твердое. Потом стал елозить вокруг да около, зацепил за ремень и потихоньку-полегоньку вытащил свой любимый «МЦ»... А как взял в руки — заплясал от радости. Еще бы, более тридцати лет с этим ружьем охотничаю. А сколько раз оно выручало меня в трудную минуту! Однажды повстречался с медведем-шатуном нос к носу, и если бы не пятизарядная скорострельность ружья, давно бы мои кости звери по тайге растаскали.

Вылил я из ствола воду, открыл затвор и повесил ружье на куст, чтобы подсохло на солнышке. Потом отжал портянки да одежонку. Переобулся. Перекурил и направился в осиновый лес поохотиться на зайцев.

Шел, шел, наконец вышел на заброшенную проселочную дорогу, что делила лес надвое. По дороге идти было куда легче, но все равно листья кругом уйма. Тащится за ногами, словно вороха снега: шух-шух, шух-шух — раздается по всей округе. Какая тут охота, коль тебя за версту слышно. Прогулка да и только! Ан нет, еще не все потеряно. Цыган посмотрел на мою кислую мину и вежливоенько так лизнул мне руку. Дескать, не отчаивайся, повелитель, наша дичь от нас не уйдет, какого-нибудь спящего зайчишку или рябца под шумок все равно добудем... А как вошли в осинник, только и видел я своего остроухого друга. Петляет по лесу челноком вдоль и поперек, то с одной стороны обежит, то с другой. Нюхтит. Рыщет. Причуял кого-то. Гляжу, метнулся под выворотень. И вдруг из-под выворотня вместе с листвой серый «в белых лоскутах» комок выкатился. Увидел его мой пес, да как завопит, забрешет, мол, вот он, вот, стреляй его, стреляй поскорее, чего резину тянешь... Вскинул я ружье, поймал косога на мушку и — «чак!» — осечка. Передернул затвор, загнал в казенник другой патрон, гляжу, а зайца уж и след простыл. «Тьфу! Ядрен корень, патроны-то подмокли», — в душе ругнул я сам себя за промашку.

Беляк перемахнул через дорогу, раз-другой скакнул среди кустов и скрылся в осиннике. Но не тут-то было... зайцу уйти от опытной собаки даже очень непросто. Цыган, отчаянно заливаясь визгливым потявкиванием, что называется, висел у него на хвосте.

Гон быстро удалялся и начинал уходить со слуха, постепенно забирая вправо. Я не истинный гончатник, охочусь на всякую разную дичь, какую только сможет поставить мне под ружье моя лайка. Но напрактиковавшись по добыче зайцев, изучил кое-какие их повадки. И убедился в том, что беляк, этот исконный обитатель леса, будучи взбужен (то есть поднят) собакой, в лесу и будет искать спасения. Он будет кружить преимущественно по густым участкам леса, переходя от одной чащи к другой. Любит часто проходить одним и тем же местом и особенно возвращаться к лежке, с которой был поднят.

Я прошелся до того места, где заяц пересек дорогу, уходя от собаки, и присел на валежину в надежде, что, сделав круг, зверек выйдет на свой след.

Солнце давно перевалило за полдень. Его то и дело прикрывали курчавые облака. Они плыли медленно, неудержимо, поднимались из-за горизонта и уходили за горизонт, который ограничивался краями глубокой земляной чащи. Высоко в

небе кружил орел, высматривая добычу. В лесу стрекотали сороки. Неподалеку призывно просвистел рябчик, но мне было не до него. Я был увлечен гоном, который шел по-прежнему за моей спиной.

Вскоре он стал приближаться. По мере того как время шло, звуки гона нарастали и теперь слышались громче и отчетливее, но уже слева от меня. Я решил, что необходимо оставаться на месте. Заяц, по всей видимости, смыкал гонный круг, возвращаясь к своей лежке. И мне резонно было проверить готовность ружья, чтобы сделать выстрел наверняка... Открываю затвор, меняю папковый патрон на латунный и занимаю удобный лаз, чтобы «стукнуть» косога.

А гон тем временем шел в непосредственной близости. Вот уже неподалеку от дороги... Помимо заливистого визга был слышен и храп собаки. Я даже увидел, как мне показалось, зайца в прыжке промеж деревьев возле одинокой березы-лиры. Вот он должен вымахнуть на дорогу в том месте, где пересек ее, уходя от собаки, когда был «взбужен». Я, крепко сжав в руках централку, насторожился. Замерло сердце, остановилось дыхание. Кровь ударила в голову. Но сумел сдержать расходившееся было волнение. Чуть привстал, пристально всматриваясь в дорогу, чтобы не прозевать внезапного появления на ней гонного зверька, ибо другого такого момента чисто взять косога может просто не быть.

Но гон вдруг смолк. На дорогу вместо зайца, в десяти шагах от меня, запаленно дыша, выбежал Цыган. Он был взъерошен и зол. Жадно нюхтя, вихрем метнулся вдоль дороги туда-сюда и скоро исчез в зарослях ивняка по ее другую сторону. Мечется вокруг да около, храпит, но ни самого зайца, ни его свежих следов найти не может. Я тоже опешил, стою в недоумении: «Куда же мог деться косой? Как сквозь землю провалился. Неужто мне померещилось и никакого зайца я вовсе не видел? Кого же тогда более часа гонял мой пес, если не длинноухого?» — про себя рассуждал я. Дай, думаю, все же обойду ту двойную березу-лиру, возле которой видел кого-то, похожего на зайца. Мало ли что... На охоте всякое бывает. Случается, что собака залавливает зверька, давит и бросает.

Подхожу поближе к двойной березе, смотрю на нее и глазам своим не верю. В развилке, больше метра от земли, на застрявшем обломыше беляк затаился. Прильнул к белоствольному дереву, слился с его корой, ну прямо как клок бересты какой. И только черные кончики ушей да бусинки глаз его выдавали.

Я вскинул было ружье да тут же и опустил. Вижу, дрожь его колотит — ни жив ни мертв.

«Небось, старикашка какой-нибудь немощный, — подумал я. — Умаялся, однако, бедолага, да и сделал «ход конем». А ну его! Пусть сидит, коль сумел так ловко собаку обхитрить. Мы другого поищем».

И только подумал, что надо бы кобеля как-то на поводок взять да подальше увести, а он уж во всю прыть несется прямо к зайцу... Пасть раскрыл, зубы оскалил, готов со злости проглотить зверька живьем. Тут я быстренько подхватил ружье и выстрелил в ствол дерева повыше заячьих ушей. Как сиганул мой «немощный» зайчишка — метров шесть по воздуху пролетел, да еще десять кубарем прокатился. А как пошел! Первое время не понять, где голова, где ноги — аж листва столбом. А потом выправился, да поздно было — скрылся в густом осиновом подлеске.

— Вот те заяц! Вот те старикашка! — сокрушался я.

Грамотно он нас с кобелем одурачил...

Но Цыган тем временем не стоял, разинув пасть. После выстрела, когда сор с дерева посыпался, он замер всего на несколько секунд в ожидании падения дичи. Но как только увидел косога в «кувыркающемся полете», мгновенно оживился и, задыхаясь от злобной ярости, с истошным визгом и лаем устремился за удаляющимся зверьком.

На этот раз беляк не отделился вглубь леса, а стал кружить неподалеку от дороги в пределах хорошей слышимости, преимущественно по густому осиннику, обновленному подростом. Поэтому покидать выбранный мною лаз не было никакого смысла. Я находился на прежнем месте, так как был уверен в том, что длинноухий на первом же круге выйдет на меня. И не ошибся. Не прошло и получаса, как круг гона стал сужаться... Голос собаки слышался где-то вблизи. Заяц шел своим старым следом.

Я в тот час особо не волновался. Не было во мне прежнего азарта, потому что заяц, считай, уже был «моим». Мы ведь виделись с ним... И каким бы я ни был азартным охотником, но в зависимости от настроения в любую минуту мог бы изменить свое решение. А собака, по сути, тот же зверь, ей не понять человеческого рассудка — хочется ли, не хочется. Не стал бы я стрелять в этого беляка — пес все равно гонял бы его до тех пор, пока не выбился из сил, а мне его жалко было. Я «с пеленок» растил его, холил, обучил охотничьему ремеслу, поэтому и дорожил им.

